

Басова Евгения Александровна

канд. пед. наук, доцент, доцент

Горбунова Анастасия Валерьевна

студентка

ФГБОУ ВО «Тюменский государственный институт культуры»

г. Тюмень, Тюменская область

ПРАЗДНИК И ФАНТАСМОГОРИЯ КАК СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН В КУЛЬТУРНО-ДОСУГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

***Аннотация:** статья посвящена исследованию праздника как уникального социально-культурного феномена. Проводится демаркация праздника от смежных форм досуга, при этом особое внимание уделено фантасмагории, которая рассматривается как специфическая форма, органично включаемая в структуру современного праздника. Анализируются сущностные характеристики праздника: его сакрально-временная природа, полифоничность и интерактивность. Проводится эмпирический опрос студентов-режиссеров. Признавая фантасмагорию частью праздничного арсенала, будущие специалисты интуитивно отделяют её иллюзорно-индивидуальную природу от коллективного преобразующего ядра праздника.*

***Ключевые слова:** культурно-досуговая деятельность, праздник, социальная общность, театрализация, фантасмагория, зрелище.*

Проблема размывания границ между различными формами культурно-досуговой деятельности в современной индустрии развлечений приобретает особую актуальность. Массовые гуляния, городские фестивали, театрализованные концерты и мультимедийные шоу часто обозначаются в профессиональной среде единым термином «праздник», что создает не только терминологическую путаницу, но и приводит к режиссерским просчетам [1, с. 543]. Однако было бы ошибкой на этом основании исключать из поля праздника такие яркие формы, как фантасмагория. Напротив, фантасмагорические элементы (световые ин-

сталляции, голографические проекции, иммерсивные иллюзии) сегодня стали неотъемлемой частью режиссерского инструментария. Актуальность работы состоит в том, чтобы, не отрицая принадлежности фантасмагории к праздничной культуре, выявить её специфику среди других форм досуга и понять, почему она не может подменять собой сущностное ядро праздника.

Фундаментом для понимания праздника как сложного социально-культурного феномена выступают труды М.М. Бахтина. Его концепция карнавализации раскрывает механизм временного освобождения от господствующей правды, переворачивания иерархий и амбивалентности [1]. Именно эта «фамильярная контактность» и тотальная вовлеченность, по Бахтину, отличают подлинный праздник от официального торжества или жестко регламентированного обряда. Не менее важна концепция игры Й. Хёйзинги, который определяет игру как свободное действие, протекающее в установленных рамках пространства и времени, и видит в ней основу праздничной культуры [5, с. 416]. Праздник наследует эту игровую природу, но, в отличие от зрелища, игра здесь не подразумевает разделения на актеров и зрителей. В.Я. Пропп, исследуя русские аграрные праздники, также подчеркивал их коллективный и деятельностный характер, связывая происхождение праздников с трудовыми циклами и кризисными моментами бытия общины [4, с. 176]. Опираясь на эти концепции, можем утверждать, что сущность праздника раскрывается через коллективное преобразование реальности. А.И. Мазаев в своем фундаментальном труде «Праздник как социально-художественное явление» подчеркивает, что зрелище, в отличие от праздника, предполагает заранее подготовленную демонстрацию, где участники разделены на исполнителей и созерцателей [3, с. 392]. В этом контексте необходимо рассмотреть и фантасмагорию. Этимологически она восходит к греческому «phantasma» (призрак, видение). Исследователь К.Е. Жданко, анализируя «возможные миры» в культуре интеллектуального досуга, показывает, как подобные формы конструируют искусственные, иллюзорные реальности, не требующие прямого пересечения с объективной действительностью [2, с. 15–19]. Сегодня фантасмагория прочно вошла в арсенал режиссера празд-

ников: без неё трудно представить масштабное открытие фестиваля или городской карнавал. Однако, являясь частью праздничного целого, она сохраняет собственную специфику: её доминантой является создание иллюзорного, чувственно насыщенного мира, переживаемого во многом индивидуально. Праздник же всегда стремится к сотворчеству и фамильярному контакту [1]. Именно это качество фантазмагии – создание пусть и яркой, но всё же отчуждающей иллюзии – отличает её от таких сущностно-праздничных форм, как хоровод, общая пляска или интерактивный обряд, где коммуникация первична. Заметим, что праздник – это сложная, полифоническая структура, которая может включать в себя различные формы, в том числе и фантазмагию. Сущностным отличием ядра праздника от каждой из этих форм по отдельности является его направленность на создание временной общности «мы», объединенной переживанием преображенной реальности. Фантазмагия же, будучи ярким и эффективным приёмом, по своей внутренней природе ориентирована на создание индивидуальной иллюзии, и задача режиссера – использовать её так, чтобы она не замыкала зрителя в себе, а работала на общее праздничное действие.

С целью проверки теоретических положений и выявления профессиональных установок было проведено эмпирическое исследование, в котором приняли участие 22 студента 2 и 3 курсов кафедры режиссуры театрализованных представлений и праздников Тюменского государственного института культуры. Выборка включала респондентов в возрасте 18–22 лет. В качестве методики был разработан опросник, использующий шкалу семантического дифференциала. Студентам предлагалось оценить по десятибалльной шкале (1 – «совершенно не свойственно», 10 – «является определяющей характеристикой») степень выраженности таких характеристик, как «коллективная сопричастность», «выход за рамки обыденности», «иллюзорность происходящего», «интерактивность» и «сценарная заданность» применительно к трем формам: традиционный народный праздник, театрализованное зрелище и фантазмагию, используемое в рамках большого праздника. Обработка данных включала расчет средних значений и медиан. Анализ результатов показал четкую дифференциацию в вос-

приятти. Для традиционного праздника наиболее выраженной характеристикой стала «коллективная сопричастность», тогда как «иллюзорность происходящего» получила минимальную оценку. Для фантасмагорического шоу, напротив, доминировала «иллюзорность происходящего» при низкой «коллективной сопричастности». При этом абсолютное большинство респондентов (89%) без колебаний отнесли фантасмагорию к формам культурно-досуговой деятельности, используемым в структуре праздника. Театрализованное зрелище заняло промежуточную позицию с высокой «сценарной заданностью» ($M = 7,9$). Полученные результаты подтверждают: будущие режиссеры интуитивно признают фантасмагорию частью праздничного арсенала, но при этом чётко отделяют её иллюзорно-индивидуальное воздействие от коллективного ядра праздника, что требует дальнейшего теоретического осмысления этой формы в учебных курсах.

Таким образом, в ходе теоретического анализа установлено, что праздник является полифоничным социально-культурным феноменом, сущностными характеристиками которого выступают коллективная событийность, интерактивность и временное преобразование реальности. Он может включать в себя разнообразные формы досуга, в том числе и фантасмагорию. Определено, что фантасмагория, будучи органичной частью современной праздничной культуры, обладает собственной спецификой: она тяготеет к созданию иллюзорной, чувственно насыщенной среды, воспринимаемой скорее индивидуально, нежели коллективно-деятельностно. Эмпирические данные подтвердили, что студенты-режиссеры адекватно воспринимают эту двойственность, не отвергая фантасмагорию, а понимая её как особый приём. Практическая значимость исследования связана с возможностью использования полученных данных для совершенствования методики преподавания режиссуры: осознанное применение фантасмагории как выразительного средства, обладающего мощным суггестивным потенциалом, но требующего обязательной интерактивной рамки, чтобы не разрушить коллективное праздничное единство.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / М.М. Бахтин. – М.: Художественная литература, 1990. – 543 с. EDN VQMUNR
2. Жданко К.Е. Возможные миры в культуре интеллектуального досуга / К.Е. Жданко // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования, 2023. – №3 (40). – С. 15–19. DOI 10.36809/2309-9380-2023-40-15-19. EDN PNPFRM
3. Мазаев А.И. Праздник как социально-художественное явление: Опыт историко-теоретического исследования / А.И. Мазаев. – М.: Наука, 1978. – 392 с.
4. Пропп В.Я. Русские аграрные праздники: Опыт историко-этнографического исследования / В.Я. Пропп. – СПб.: Азбука, 1995. – 176 с.
5. Хёйзинга Й. Homo Ludens. Статьи по истории культуры / Й. Хёйзинга; пер. и сост. Д.В. Сильвестров. – М.: Прогресс – Традиция, 1997. – 416 с.